

Научная статья

УДК 94(470.41):37(09)

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.7

Каюм Насыри и односельчане: аспекты взаимоотношений великого татарского просветителя с членами сельского общества

Ильдус Котдусович Загидуллин

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, zagik63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Аннотация. В статье выделяются четыре фактора, оказавшие влияние на общение татарского просветителя Каюма Насыри с жителями родной деревни Малые Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии: забота об отчем доме; сопричастность к интересам местного общества, заложенная в юношеском возрасте; «моральная экономика», когда действия человека определяются нерыночными законами; отношение к местному населению как к хранителю ценной исторической информации о прошлом родного края и народной литературы. Микросреда родной деревни являлась для просветителя местом отдыха и восстановления духовных сил. В самые тяжелые, критические моменты своей жизни К. Насыри находил утешение и спокойствие в отчем доме, физическом крестьянском труде и общении с односельчанами.

Выстраивание К. Насыри отношений с односельчанами освещается комплексно, наряду с социальным поведением его братьев, которые также уехали из родной деревни. Делается вывод о том, что те из них, кто сумел стать успешным человеком, продолжили дело своего отца Габденнасыра Хусаинова по служению местному обществу и сыграли выдающуюся роль в решении общественных проблем слабой в экономическом плане сельской общины. Младший сын Габделькави в 1864—1901 гг. служил муллой в родной деревне, старший сын Габдельхай построил в 1874 г. новую мечеть и заботился о ее функционировании. На закате своей жизни Каюм Насыри проявил заботу об односельчанах, выделив третью часть накопленных средств на строительство второй мечети и новой школы.

Ключевые слова: татарское просветительство, Каюм Насыри, татарская поземельная община, деревня Малые Ширданы.

Для цитирования: Загидуллин И. К. Каюм Насыри и односельчане: аспекты взаимоотношений великого татарского просветителя с членами сельского общества // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 161—175. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/7_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.7.

Original article

Kayum Nasyri and fellow villagers: aspects of the relationship between the great Tatar educator and members of the rural society

Ildus K. Zagidullin

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, zagik63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Abstract. The article highlights four factors that influenced the communication of the Tatar educator Kayum Nasyri with the inhabitants of his native village of Malye Shirdany in the Sviyazhsk district of the Kazan province: care for his father's house; involvement in the interests of the local society, established in adolescence; "moral economy", when human actions are determined by non-market laws; attitude towards the local population as a keeper of valuable historical information about the past of their native land and folk literature. The microenvironment of his native village was a place of rest and restoration of spiritual strength for the enlightener. In the most difficult,

© Загидуллин И. К., 2025

critical moments of his life, K. Nasyri found consolation and tranquility in his father's house, physical peasant labor and communication with fellow villagers.

The development of K. Nasyri's relationships with fellow villagers is covered in a comprehensive manner, along with the social behavior of his brothers, who also left their native village. It is concluded that those of them who managed to become successful people continued the work of their father Gabdennasyr Khusainov in serving the local community and played an outstanding role in solving social problems of the economically weak rural community. The youngest son Gabdelkavi served as a mullah in his native village from 1864 to 1901, the eldest son Gabdelkhay built a new mosque in 1874 and took care of its functioning. At the end of his life, Kayum Nasyri showed concern for his fellow villagers by allocating a third of his accumulated funds for the construction of a second mosque and a new school.

Keywords: Tatar enlightenment, Kayum Nasyri, Tatar land community, the village of Malye Shirdany.

For citation: Zagidullin I. K. Kayum Nasyri and fellow villagers: aspects of the relationship between the great Tatar educator and members of the rural society. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 161—175. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.54.7>.

Введение

Огромное значение в реконструкции характера личности Каюма Насыри (1825—1902) и его творческой лаборатории имеют источники, повествующие о контактах просветителя с жителями родной деревни Малые (Верхние) Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии, расположенной в 43 верстах от губернского города (ныне село в Зеленодольском районе Республики Татарстан).

Абсолютное большинство воспоминаний о Каюме Насыри освещают условия его жизни и быта в губернской Казани. Сбору воспоминаний о знаменитом односельчанине поспособствовали сотрудники Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Благодаря им сегодня можно говорить о том, что современники-односельчане Каюма Насыри внесли существенный вклад в ликвидацию белых пятен в биографии великого просветителя в двух сферах — помогли воссоздать его портрет и оставили воспоминания о его социальном поведении во время посещений родной деревни.

Публикация письменного наследия Каюма Насыри в Татарской АССР происходила волнообразно, как правило, в связи с проведением юбилейных мероприятий. Первое из них (в 1922 г.) было приурочено к 20-летию со дня кончины великого просветителя. Однако поиски фотографии К. Насыри для юбилейного события оказались безуспешными. Тогда молодой художник Гусман Арсланов нарисовал портрет просветителя, который был размещен в сборнике «Каюм Насыри мәжмугасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбете белән чыга» («Сборник Каюма Насыри. Издается по случаю двадцатилетия со дня кончины») (1922) [14].

Этот же портрет Насыри был вывешен 15 февраля 1925 г. на сцене Театра юного зрителя в Казани, где проходило торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня его рождения. Выступая на мероприятии, известный татарский писатель Ф. Амирхан поделился своими воспоминаниями, рассказал, что, будучи шакирдом медресе, покупал книги у К. Насыри и читал их своим товарищам по учебе. Ф. Амирхан заметил, что висящий на сцене большой портрет К. Насыри работы художника Г. Арсланова вовсе не похож на просветителя, с которым он общался. На нем Насыри был изображен с наклоненной головой в одежде бедного ишана и в целом походил на муллу. В частности, писатель отметил, что К. Насыри не выглядел в жизни бедняком, и поставил вопрос о необходимости правдивого изображения выдающегося татарского просветителя [5, с. 157].

В этом мероприятии принимал участие будущий татарский литературовед М. Гайнуллин, который в 1940-е гг. проявил себя как главный исследователь творчества К. Насыри. В 1944 г., готовясь к празднованию 120-летия со дня рождения татарского просветителя, М. Гайнуллин от имени юбилейной комиссии заказал талантливому художнику

Байназару Альменеву (1909—1976) новый портрет Насыри. По совету современника Насыри первый вариант портрета Альменев срисовал с человека, очень похожего на просветителя. Затем 4—5 вариантов рисунков Альменев предоставил другому современнику, который в молодые годы обучался у Насыри. С учетом его замечаний художник и нарисовал новый портрет. М. Гайнуллин и Б. Альменев показали его в д. Малые Ширданы местному жителю Г. Тухватуллину, который на своей запряженной лошади многократно привозил К. Насыри в родную деревню и отвозил обратно в Казань. Г. Тухватуллин сразу признал в изображенном человеке К. Насыри. Узнал его на портрете и другой житель Малых Ширданов, видевший казанского гостя во время приезда в родную деревню [1, с. 62]. В итоге на Ученом совете ИЯЛИ рисунок художника Б. Альменева был утвержден как официальный портрет просветителя [5, с. 158—159]. Основываясь на нем, Б. Альменев выполнил еще несколько его вариантов [1].

Одновременно в рамках подготовки к предстоящему юбилею просветителя сотрудники института искали людей, общавшихся с К. Насыри. В материалах конференции на татарском языке стараниями языковеда Х. Ярми были опубликованы воспоминания о Насыри пяти крестьян-колхозников [15].

Другим важным историческим источником по данной теме послужило эпистолярное наследие — письма Насыри и его родственников друг другу [16; 17].

Цель статьи — комплексное освещение деятельности и взаимоотношений К. Насыри с жителями родной деревни Малые Ширданы.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности, а также исторические методы — сравнительно-исторический и источниковедческий синтез.

Результаты исследования

Характеристика социального облика сельского общества д. Малые Ширданы

Для правильной расстановки акцентов в определении особенностей взаимоотношений Насыри с односельчанами необходимо рассмотреть социальные процессы в крестьянской общине деревни Малые Ширданы.

По своей внутренней структуре поземельная община татарских крестьян д. Малые Ширданы являлась простым союзом хлебопашцев, представляющим одно сельское общество. По итогам земельной реформы 1866 г. в пользовании местной общины находились земли общей площадью 1784,3 дес. Из них только 50 дес. считались неудобной землей, усадьбы с приусадебными участками и общественные здания занимали 41,5 дес. [19, с. 30—31].

Хлебопашцы Нагорной стороны Казанской губернии страдали от малой обеспеченности лесными угодьями. Крестьяне Свияжского уезда также испытывали нехватку лесных материалов: более половины имеющегося в волостях леса было ненадлежащего качества, во многих общинах лес был представлен кустарниками [20, с. 123]. Полагаем, что к моменту оформления в конце 1860-х гг. владенной записи на земельные угодья лесной участок у общины отсутствовал. Скорее всего, его не было изначально или он был расчищен крестьянами под пашню ранее. В 1884 г. по итогам ревизии земельных угодий земские деятели констатировали наличие на площади 343,1 дес. только кустарников. Местные крестьяне также страдали от недостатка лугов для заготовки сена (109,7 дес.) и выгона для скота (9,3 дес.), что произошло, скорее всего, вследствие увеличения площади пашни до 1189 дес.

Хлебопашцы поселения страдали от малоземелья уже в 1860-е гг.: на душу мужского пола приходилось всего 3,8 дес. удобной земли. По мере естественного прироста населения земельный голод усиливался: к 1884 г. душевой надел уменьшился до 3,1 дес. [19,

с. 30—31]. В этот период у татарских крестьян Казанской губернии показатель обеспеченности душевым наделом был примерно таким же — 3,24 дес. [24, с. 213—214], к 1906 г. он уменьшился до 2,4 дес. (В 1898 г. под строительство железной дороги государство изъяло у общины 13,78 дес. с материальной компенсацией [18, с. 54—55].)

Социально-экономические процессы, происходившие в аграрной России, самым непосредственным образом отражались на экономическом и демографическом облике деревни.

Х ревизия (1858 г.) зафиксировала в деревне 113 дворов и 902 души обоего пола (446 мужчин и 456 женщин). По сведениям Ширданского волостного правления, естественный прирост населения к 1884 г. составил 1048 чел. (552 мужчины и 496 женщин), а численность самостоятельных хозяйств выросла до 183 [19, с. 30—31]. Бросающаяся в глаза существенная разница между динамикой увеличения численности населения (117%) и хозяйств (162%) свидетельствует об интенсивных семейных разделах, которые не лучшим образом сказывались на экономическом потенциале хозяйств вследствие уменьшения количества рабочих рук в крестьянских дворах.

Новые явления социальной жизни сельского общества впервые были официально зафиксированы в статистических материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в ходе которой было учтено наличное население: 1210 душ обоего пола; 36 мужчин и 35 женщин находились вне места приписки [18, с. 56].

Низкий экономический потенциал хозяйств не давал хлебопашцам возможностей для повышения доходности наделов. Дополнительные материальные средства крестьяне находили в отходничестве, выезжая на заработки на несколько месяцев или на более длительный срок. В частности, татары д. Малые Ширданы со своими лошадьми отправлялись зимой на заработки в губернский город в качестве «барабус» [15, с. 137], нанимались хозяйственными работниками и на другие низкооплачиваемые работы, не требующие квалификации.

Все эти процессы наглядно прослеживаются на примере семьи Габденнасыра и Фатимы Хусаиновых, вырастивших 5 сыновей и дочь Бибизямилю.

Габденнасыр, сын сельского имама Хусаина, после окончания медресе и женитьбы в 1812 г. проигнорировал общественный приговор односельчан об избрании муллой и занялся торговлей пушниной, ездил на ярмарки. Однако в какой-то момент, видимо с рождением детей, вернулся в родную деревню и занялся земледелием. Известно, что в 1840-е гг. он выращивал рожь и ячмень, занимался садоводством [23, с. 41] и пчеловодством [16, с. 351; 17, с. 591].

В представлении крестьян Габденнасыр являлся муллой, т.е. образованным человеком, знающим язык Корана, исламское вероучение и шариат. Глава семейства в домашних условиях обучал своих детей основам религии и восточным языкам. Габденнасыра знали в округе как искусного каллиграфа, переписавшего более двадцати религиозных книг, автора нескольких трактатов на арабском языке, любознательного человека, который и в преклонном возрасте не переставал изучать арабский и персидский языки [21, с. 51—52]. Он выгодно отличался от указных мулл тем, что знал русский язык и грамоту, водил дружбу с местными чиновниками, помогал сельским обществам и крестьянам решать их проблемы, связанные с уездной администрацией.

Габденнасыр с малых лет готовил своих сыновей к отходничеству.

Старшего сына Габдельхая (1820—1909), предварительно обучив русскому языку и технологии производства мыла, Г. Хусаинов отправил в Москву, передав ему свои сбережения в качестве первоначального капитала. Габдельхая удалось организовать мыловаренную мануфактуру, он начал выезжать на ярмарки в качестве временного купца.

К старшему сыну в Москву на производственную практику с перспективой совместной предпринимательской деятельности Габденнасыр отправил третьего сына Габдельгани (1829 г. р.) и четвертого сына Габдельвали (1831 г. р.). Однако совместная деятельность братьев не сложилась, и они разъехались в разные стороны. При этом один из них не вернулся в родную деревню на постоянное жительство. Габдельхай еще в Москве записался постоянным купцом, в 1873 г., когда переехал в Казань, обзавелся недвижимостью и прописался в губернском городе [25, с. 43—45]. Сведениями о том, выписались ли Габдельвали и Габдельгани из местной поземельной общины, мы не располагаем.

Самый младший сын Габденнасыра — Габделькави (1833—1909) [9, л. 283] — в начале 1850-х гг. поехал на учебу в казанское медресе, а в 1864 г. был определен муллой в родную деревню.

Второй сын Габденнасыра Хусаинова — Каюм (1825 г.р.) — в 1844 г. отправился на учебу в Казань и проживал в этом городе до конца жизни, оставаясь членом родной поземельной общины. Об этом свидетельствует выданная ему 22 июня 1898 г. Ширданским волостным правлением Свияжского уезда паспортная книжка сроком на пять лет как крестьянину д. Малые Ширданы [29]. В родной деревне за ним числился душевой надел, который в период его отлучки обрабатывал или сдавал в аренду глава семейства. Правда, община, при необходимости, могла отобрать надел в пользу общественных нужд или передать другому крестьянину с условием, что в случае возвращения Каюма на постоянное жительство вернет ему душевой надел. Поскольку отец Каюма пользовался большим авторитетом, а младший брат Габделькави был муллой, мы полагаем, что душевой надел Каюма всегда оставался за его семейством.

После отъезда сыновей на учебу и на заработки Габденнасыр Хусаинов числился в списке безлошадных крестьян (в 1851 г. в его хозяйстве рабочая лошадь отсутствовала) [23, с. 47]. Между тем безлошадность большинства местных крестьян была вызвана совсем иными причинами. На обеспеченность домашним скотом и лошадьми существенное влияние оказывало наличие кормовой базы, а также постоянно повторяющиеся в губернии неурожайные годы (1867, 1877, 1883, 1891, 1898), когда поголовье скота сокращалось [20, с. 126].

В 1864 г. в одном из своих писем старшему брату Габдельхаю Каюм Насыри сообщал об обнищании хозяйств в связи с утратой рабочей лошади, о тяжелом существовании безлошадных крестьян [4, с. 24—25]. Это наблюдение просветителя подтверждается данными кадастровой переписи 1882 г., которая учла в Малых Ширданах 90 безлошадных (29%) и 143 имеющих лошадей хозяйств (среди последних: с одной лошадью — 105 дворов, с двумя лошадьми — 15, с тремя — 2). В хозяйствах также насчитывалось 90 единиц крупного рогатого скота. По Казанской губернии в этот период безлошадные татарские крестьянские дворы составляли 34,1% [24, с. 213—214].

Важно отметить, что независимо от обеспеченности тягловой силой все хозяйства сами обрабатывали душевые наделы, безнадельных дворов не было. Статистические данные свидетельствуют о том, что местное население главным источником существования и образа жизни считало земледелие и стремилось к максимальному использованию своего земельного надела. Безлошадная часть крестьян обрабатывала свои наделы и проводила сев с опозданием, нанимая для этого тягловую силу за плату, лишалась удобрения для полей. Во многих местах для вспашки наделов требовались две лошади, поэтому в местностях с сырой и вязкой почвой в положении безлошадного оказывался и однолошадный крестьянин [12, с. 51].

Земское обследование 1906 г. выявило отчетливо выраженную тенденцию отъезда местных жителей на заработки целыми семьями: в населенном пункте насчитывалось

260 семей, 18 из которых уже проживали на стороне: в отлучке находилась 41 душа м.п. и 45 душ ж.п., а на месте приписки проживало 668 душ м.п. и 685 душ ж.п. [18, с. 54—55]. Все 18 семей передали свои душевые наделы во временное пользование односельчанам с условием уплаты причитающихся с них налогов и исполнения повинностей. Из 252 наделных крестьянских хозяйств 4 также полностью сдавали в аренду свои душевые наделы, тем самым прекратив занятие земледелием.

Полагаем, что после утверждения младшего сына муллой хозяйство Габденнасыра Хусаинова вновь обзавелось лошадей. (Известно, что Каюм Насыри вместе с братом Габделькави выезжал в научные экспедиции в соседние деревни на запряженной лошади. — И. З.).

Одним из тяжелых последствий неурожая хлебов было увеличение недоимок по казенным платежам, которые крестьяне в силу маломощности своих хозяйств не могли погасить с урожая следующего года. К 1884 г. общая сумма недоимок по уплате налогов у поземельной общины д. Малые Ширданы составляла 4374,3 руб. [19, с. 30—31].

Благодаря поддержке старшего сына, занимавшегося предпринимательством, Габденнасыр Хусаинов имел возможность своевременно уплачивать подати. Однако случались непредвиденные обстоятельства: в 1868 г. он не смог уплатить оброчную подать за душевые наделы в установленные сроки, потому что Габдельхай не прислал обещанную сумму своевременно [23, с. 47].

Рассмотренный материал позволяет внести несколько новых штрихов в социальную характеристику семьи Каюма Насыри.

Его отец Габденнасыр был в сельском обществе не только высокообразованным, но и самым богатым человеком в деревне в 1810—1820-е гг. В последующие годы важным источником существования его семьи были суммы, присылаемые старшим сыном с доходов совместного предприятия. Следовательно, и дети Габденнасыра воспринимались местными жителями не только как дети «муллы», но и обеспеченного человека. Этот статус после утверждения муллой в 1864 г. успешно поддерживал и его сын Габделькави, который наставлял прихожан и руководил религиозно-обрядовой жизнью деревни, содержал мектебе для мальчиков, а его супруга — абыстай — обучала в домашней школе девочек.

Общение с родителями и родственниками

Взаимоотношения Каюма Насыри с родной деревней целесообразно рассматривать по двум направлениям: 1) общение с членами отчего дома и родственниками, 2) общение с односельчанами.

Пока были живы отец (умер в 1872 г.) и мать (умерла позже, год смерти установить не удалось), для Каюма, как и для остальных его братьев, родная деревня ассоциировалась прежде всего с родителями. К. Насыри оперативно исполнял указания отца о приобретении в Казани предметов быта и нужных книг по восточным языкам, заказывал у местных ремесленников пошив одежды, головных уборов, обуви и т.д. и отправлял с оказией в отчий дом.

В период работы в Казанской духовной семинарии (1855—1870 гг.) и учителем русско-татарской школы (1871—1877 гг.) его поездки в родную деревню были приурочены к зимним и летним каникулам. Пока были живы родители, его приезды на малую родину мотивировались прежде всего заботой и оказанием помощи отцу и матери по крестьянскому хозяйству, а также, по возможности, и деньгами.

После кончины родителей прежнее отношение к родительскому дому трансформировалось в сохранение памяти о них по мусульманской традиции: посещение могил отца и матери на местном кладбище, проведение меджлисов в память об усопших. Теперь

отчий дом потерял прежнюю сакральность, но одновременно появились новые смыслы, связанные с более тесным общением с младшим братом Габделькави, членами его семьи, родственниками и знакомыми.

В 1875 г. младший брат Габделькави предлагал Каюму устроиться на работу в управе Свияжского уездного земства с годовым окладом в 800 руб. ввиду наличия вакантной должности [17, с. 592]. Насыри, работавший тогда учителем русско-татарской школы за небольшую зарплату, воздержался от такого заманчивого предложения и сосредоточился на реализации своих просветительских проектов.

Когда К. Насыри приезжал в деревню, к нему, в том числе за советом, приходили родственники, а также почитающие просветителя лица, они же приглашали его в гости. Во время таких встреч обсуждались местные новости, уточнялись требующие разъяснений тексты и т.д. [15, с. 137—138]. Некоторых родственников, живущих в соседних селениях, он посещал во время научных экспедиций по татарским населенным пунктам в округе.

В Малых Ширданах просветитель отдыхал от городской суеты и своих повседневных забот, связанных с написанием текстов. Насыри уходил в поля, собирал лекарственные травы, сушил их и привозил в Казань [25, с. 60—61].

Напоминающая счастливые детские годы обстановка в доме, размеренная сельская жизнь, встречи и общение с родственниками и друзьями юности благотворно влияли на настроение просветителя. Одновременно отчий дом был для Насыри местом подпитки духовной силой. В периоды кризисных ситуаций, которых в жизни Насыри было несколько, Малые Ширданы становились местом восстановления духовных сил и философских размышлений о смысле жизни. Так, в 1877 г. Насыри, тяжело заболев, вернулся в отчий дом и несколько месяцев прожил в родной деревне. Потеря в разрушительном пожаре 1885 г. всего архива и личной библиотеки вновь вызвала у Насыри нервное потрясение. Три месяца он лечился от депрессии в Малых Ширданах, ежедневно занимаясь крестьянском трудом в хозяйстве родного брата [25, с. 50].

Общение с односельчанами

Комплексный анализ источников личного происхождения позволяет выявить несколько аспектов взаимоотношений просветителя-ученого с односельчанами.

К. Насыри рассматривал местных жителей в качестве экспертов в плане понимания текстов, написанных на народном языке. В письме Н. И. Ильминскому в 1859 г. он сообщал: «Когда поехал в деревню, эту книгу прихватил с собой. Прочитал некоторым мужикам. Когда читал, они между собой говорили: “Смотри-ка, читает как будто разговаривает”. Иншалла, что понятно каждому. Эту книгу назвал “Мәжмәгыль әхбар”» («Сборник сведений») [3, с. 255]. Не вызывает сомнения, что после издания этой книги в 1895 г. он подарил ее местным жителям.

В 1860—1870-е гг. подворье отца было местом, откуда Насыри совершал научные экспедиции в соседние населенные пункты [21, с. 54].

Старшее поколение односельчан интересовало его в качестве хранителей исторической информации о прошлом деревни и Нагорной стороны в целом. В этой связи примечателен рассказ татарского историка Г. Губайдуллина, который в первые годы после революции 1917 г. некоторое время заведовал школой в д. Малые Ширданы. Когда однажды он спросил у одного из местных жителей о Насыри, то услышал такой ответ: «Каюм ага, подходя к нашим старикам, говоря разные небылицы, рассказывая вздорные вещи, расспрашивая о древнем прошлом, доводил их до раздражения. Однако был большим шутником» [6, с. 65].

При общении и расспросах односельчан Насыри тщательно фиксировал образцы фольклора. Еще в годы обучения в медресе Каюм начал интересоваться татарским фоль-

клором и собирать некоторые его примеры [13, с. 337]. В период работы в Казанской духовной семинарии религиозное мировоззрение и повседневная жизнь односельчан и жителей соседних селений стали объектом пристального внимания начинающего исследователя.

В остальных случаях взаимоотношения Каюма Насыри с жителями родного селения вписываются в модели, обусловленные влиянием ряда изложенных ниже факторов.

Главный фактор — отчий дом, где человек родился, делал первые шаги, воспитывался и рос. Отчий дом ассоциировался с родителями и близкими родственниками.

Второй фактор — институт общины и групповое общинное сознание, которые формировали в каждом члене крестьянской общины «сопричастность индивида к делам и интересам коллектива, солидарность, сотрудничество и взаимопомощь» [11, с. 23]. Проживая в Казани, Насыри всегда чувствовал сопричастность к родной деревне, где жили его родители и родственники, друзья юности и др.

Третьим важным фактором, оказывавшим существенное влияние на взаимоотношения между членами сельского общества, является институт «моральной экономики», когда с точки зрения причинности экономическое действие определяется нерыночными факторами, пониманием того, что надо и чего не надо делать [28, с. 267—268]. Так, трудоустройство Насыри в 1855 г. в Казанской православной духовной семинарии вызвало определенные толки среди местных жителей. После того как преподаватель-практикант татарского языка поселился в комнате, расположенной в мансарде учебного здания, его родители, беспокоясь за своевременное питание любимого сына, посылали к нему из родной деревни мальчиков в качестве прислуги. Однако они не имели навыков повара. По этой причине Насыри приходилось старательно обучать их приготовлению пищи. Освоив все тонкости этой работы, помощник сбегал, и Насыри приходилось вновь терпеливо обучать очередного подростка, приехавшего из родной деревни на замену сбежавшему [25, с. 56]. Заметим, что деревенские мальчики, оказавшись в здании православного духовного учебного заведения, переживали психологический шок. Однако Габденнасыр, пользующийся большим авторитетом в селении, уговаривал очередного односельчанина отправить своего сына в Казань [15, с. 138]. Такая практика продолжалась целых 2 года.

Эти три фактора, наслаиваясь друг на друга, нередко формировали у живущих на стороне и обладавших материальным достатком членов общины желание оказывать сильную помощь односельчанам в решении общественных проблем. Данный пример наглядно проявляется при анализе социального поведения старшего сына Габденнасыра — Габдельхая.

В 1865 г. Габдельхай, после утверждения муллой младшего брата Габделькави в 1864 г., впервые заинтересовался мутавалиями богослужебного здания — наследниками казанского купца Юсуфа Апанаева, построившего в Малых Ширданах мечеть [17, с. 634]. Вероятно, во время очередного приезда в родную деревню, участвуя в молитвенном собрании под предводительством родного брата, он обратил внимание на необходимость капитального ремонта пришедшей в ветхое состояние мечети 1815 г. и вызвался построить новое культовое здание, для чего необходимо было выполнить некоторые формальности. По мусульманской традиции мутавалий (человек, пожертвовавший средства на постройку богослужебного здания) имел первичное право на ремонт и реконструкцию мечети, после его смерти эта почетная обязанность переходила к его детям. Московский купец попросил проживавшего в Казани и служившего при Белой мечети муэдзином Музаммадгалима, младшего брата отца Габденнасыра, обсудить с наследниками Ю. Апанаева вопрос капитального ремонта здания мечети и сообщить о его согласии, в случае их отказа, построить новую мечеть. Свое намерение он реализовал после переезда в 1873 г.

из Москвы в Казань, построив в 1874 г. в родной деревне в установленном порядке новую мечеть [10, л. 2].

В глазах местных жителей дети Габденнасыра считались успешными людьми и вели себя подобающим образом. Отправленная муллой Габдельвали за братом Каюмом пара лошадей для поездки в Малые Ширданы, а также предоставление ему повозки, запряженной двумя лошадьми, для поездки в Казань [15, с. 137] демонстрировали высокий статус сыновей Габденнасыра перед односельчанами.

Известен факт приезда на Сабантуй в родную деревню Каюма татар-наборщиков топографии Казанского университета, расходы которых покрыл К. Насыри [27, с. 167].

Деревенская детвора, услышав о приезде знаменитого казанского гостя, гурьбой собиралась с заранее подготовленными концертными номерами у ворот дома муллы Габделькави. Услышав детский смех, Насыри выходил на улицу, окунаясь в атмосферу радости и веселья, просил детей спеть и сплясать, после завершения выступлений участники детской художественной самодеятельности щедро одаривались гостем. В знак благодарности Насыри бросал монеты на «концертную площадку» перед воротами, где выступали маленькие артисты, которые с визгом собирали монеты [15, с. 137, 138].

Зимой его приезда с нетерпением ждали шакирды местного мектебе. 3—4 мальчика, услышав о приезде Каюма Насыри, отпрашивались у хальфы, с заранее выученными мунаджатами, байтами и стихотворениями заявлялись в дом, где останавливался гость, и демонстрировали свое мастерство. После того как шакирды рассказывали по памяти все выученные тексты, Насыри, весьма довольный их выступлением, одаривал каждого из них за старание 10—15 копейками [15, с. 138].

Полагаем, что «моральная экономика» и религиозная солидарность наглядно проявлялись в практике раздачи Насыри книг в качестве подарка не только шакирдам, но и всем односельчанам [15, с. 138]. Речь идет прежде всего о его книгах религиозного содержания: брошюрах «Шэжэрэи мөбэракэи пэйгамбэр» («Родословное высокочтимого пророка») (1860) и «Гакаид рисалэсе» («Трактат по вероучению») (издавался в 1867, 1882 и 1896 гг.), учебнике для начальных классов по истории пророков «Мохтэсар тэварих энбия галэйһи эс-сэлам» («Краткая история пророков»), опубликованном в 1884 и 1899 гг.

Во время каждого приезда в родную деревню он посещал мектебе. Не вызывает сомнения, что Насыри осуществлял учебно-методическую помощь школе, снабжая ее учебниками и книгами для чтения [15, с. 138].

К началу XX в. численность жителей Малых Ширдан выросла, количество мужчин составило 469 человек. В дни пятничного полуденного намаза действующая мечеть уже не вмещала всех приходящих на общественное богослужение мусульман. Однако авторитет муллы Габделькави Насырова не позволял религиозным активистам поднять вопрос об учреждении нового прихода.

Мулла Габделькави умер в начале 1901 г. Это событие дало ход структурным изменениям в местном приходе, направленным на улучшение организации религиозно-общинной жизни местных мусульман. 18 марта того же года члены прихода на собрании постановили избрать муллой односельчанина Яруллу Хуснутдинова, который, однако, не смог оперативно собрать все необходимые документы для утверждения себя в должности. Видимо, не смог сдать экзамен по русскому языку, установленный для кандидатов на должность мусульманского духовного лица.

Обеспокоенные отсутствием муллы жители Малых Ширдан, вновь собравшись 25 мая 1901 г. на сход, составили новый общественный приговор об избрании на вакантную духовную должность вместо Яруллы Хуснутдинова 46-летнего односельчанина Сафиуллы Минькина, получившего 17 мая свидетельство Казанского четырехклассного

городского училища об успешной сдаче испытания на знание русского языка, установленного для кандидатов на должность сельского муллы [7, л. 1—4]. 3 июня С. Минькин успешно сдал экзамен в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) и удостоился духовного звания имама и мугаллима [7, л. 6, 7], а 3 августа был утвержден губернским правлением в должности муллы [7, л. 10—10 об.].

В условиях отсутствия главы религиозной общины группа жителей деревни инициировала постройку нового богослужебного здания с последующей регистрацией самостоятельного прихода. В сельской местности строго соблюдалось правило об учреждении и избрании нового муллы только после постройки мечети. В данном случае строительство здания для общественного богослужения служило доказательством серьезности намерений прихожан, их платежеспособности.

В конце 1890-х гг. Насыри разбил легкий паралич [25, с. 52]. После излечения проповедник 31 октября 1899 г. составил завещание, в котором из 3 тыс. руб. своих денег 1 тыс. руб. завещал на строительство мечети в Малых Ширданах [30, л. 1]. Поэтому нельзя исключать того, что инициатива местных мусульман о регистрации нового прихода и строительстве второй, новой мечети могла появиться после получения информации от односельчанина Сайфутдина Субханкулова, который наряду с муэдзином Бадигом засвидетельствовал данное завещание. Об этом мог проговориться и сам К. Насыри, когда приезжал на похороны брата в начале 1901 г. или участвовал в меджлисах, посвященных его поминовению.

Насыри поддержал начинание односельчан и вызвался взять на себя все расходы, связанные с возведением мечети. 20 июля 1901 г. в Малых Ширданах Насыри принял участие в сельском сходе о разделении жителей деревни на два самостоятельных прихода, где публично объявил о спонсорстве. Согласно общественному приговору, при действующей соборной мечети оставалась 241 душа м.п., а вновь регистрируемый приход учреждали 227 душ м.п., проживающих в 72 домах [8, л. 1—2 об.]. (Примерно за год до своей кончины Насыри сообщил своему племяннику муэдзину Бадигу, в доме которого он проживал, о намерении построить для учреждаемой в Малых Ширданах 2-й махалли новую мечеть и новую школу, в этой связи он просил своего родственника взять на себя хлопоты, связанные с возведением богослужебного здания [26, с. 86].)

На этом же собрании был уточнен ряд организационных моментов. Прежде всего, односельчанин Гибадулла Губайдуллин был избран уполномоченным лицом, которому делегировалось право решения всех вопросов, касающихся строительства общественного здания. В частности, в случае отказа Насыри лично руководить строительством он должен был получить от жертвователя необходимую сумму, приобрести нужные материалы и начать строительные работы. Согласно общественному приговору, жертвователь обязывался самостоятельно представить в губернское правление план и фасад мечети. Значит, на собрании была оговорена полезная площадь будущей мечети, от которой напрямую зависела сумма расходов на строительство [8, л. 2 об. — 4 об.].

Однако из-за правовой неграмотности жителей неожиданно возникло несколько проблем, которые поочередно обозначали губернские чиновники. Оказалось, что участники собрания забыли зафиксировать в общественном приговоре свое обязательство давать средства на содержание новой мечети и духовенства при ней. ОМДС, со своей стороны, постановлением от 13 ноября 1901 г. также потребовало соблюдения всех правил постройки мечети [8, л. 26].

К. Насыри был вынужден снова поехать в Малые Ширданы и участвовать во втором собрании прихода 14 декабря 1901 г. Он повторно подтвердил свое обещание построить

новое богослужбное здание, а также привез участникам собрания план и фасад будущей мечети для ознакомления [8, л. 13—15].

30 марта 1902 г. при осмотре места постройки будущей мечети полицией выяснилось, что не было выдержано открытое пространство в радиусе 20 саженей для обеспечения противопожарной безопасности общественного здания. После выполнения этого предписания 26 апреля 1902 г. полицейский совместно с понятыми измерил расстояние до ближайших хозяйственных строений, однако губернское правление запросило дополнительно план местности, где планировалась постройка мечети, а затем постановлением от 10 июля 1902 г. потребовало снести одну из хозяйственных построек для обеспечения установленного законом расстояния. Требование властей было выполнено, злополучный сарай снесли, а доверенный общества прихода Г. Губайдуллин 27 июля 1902 г. сообщил, что строительные материалы закуплены, плотники получили задаток и только ждут официального разрешения на начало строительных работ. Его прошение после соблюдения всех процедур было рассмотрено и удовлетворено лишь 13 ноября 1902 г. [8, л. 26, 30 об.].

По мусульманской традиции, на первом общественном богослужении в новой мечети собравшиеся совершили молитву в память строителя мечети — односельчанина Каюма Насыри.

Заключение

Резюмируя, отметим, что в пореформенный период социально-экономическое положение членов сельского общества деревни Малые Ширданы определялось общими тенденциями аграрного развития пореформенной деревни: уменьшение площади душевых наделов, недостаточная кормовая база, увеличение числа безлошадных хозяйств, отходничество с целью заработка и т.д. В основном местная сельская община состояла из экономически маломощных хозяйств.

Будучи внуком указного муллы Хусаина, Насыри, обладавший религиозными знаниями, писал о крестьянах родной деревни, называя их «мужиками», что свидетельствует о высоком статусе его отца — окончившего медресе Габденнасыра, который в период занятия торговлей был самым обеспеченным жителем селения.

Добившиеся успехов сыновья Габденнасыра являлись гордостью односельчан. Такое мнение местного населения было особенно важно для К. Насыри, которого традиционное казанское мусульманское общество воспринимало как непонятного, закрытого, необщительного и чудаковатого человека.

Для Насыри, родившегося и выросшего в сельской местности, родная деревня ассоциировалась прежде всего с отчим домом, а также родственниками, соседями и друзьями юности. Микросреда родной деревни служила для него местом отдыха и восстановления духовных сил. В самые тяжелые, критические моменты своей жизни К. Насыри находил утешение и спокойствие в отчем доме, физическом крестьянском труде и общении с односельчанами. Во время приездов в родную деревню его общение с взрослым населением происходило во время меджлисов, после общественного намаза в мечети, на улице и т.д. Необычной для деревенской детворы формой общения с казанским гостем являлись их выступления с номерами художественной самодеятельности.

Дети Габденнасыра продолжили дело отца по служению местному обществу, сыграли выдающуюся роль в решении общественных проблем слабого в экономическом плане родного сельского общества.

Младший сын Габделькави в течение почти четырех десятилетий служил муллой, старший сын Габдельхай в 1874 г. построил новую мечеть и заботился о ее функциониро-

вании. На закате своей жизни Каюм Насыри проявил заботу о родной деревне и выделил третью часть накопленных средств на строительство второй мечети и новой школы.

С 1860-х гг. Насыри серьезно занимался научными изысканиями по этнографии и фольклору родного народа. Не будет преувеличением утверждать, что собранные в Матлах Ширданах и округе материалы составляют ядро его опубликованных текстов по языкознанию, краеведению, фольклору и синкретическому религиозному мировоззрению мусульман. Результаты этих наблюдений представлены в завершенной в 1867 г. научной статье «Обряды и поверья казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на жизнь их суннитского магометанства» [22].

Насыри относился к односельчанам как к хранителям ценной исторической информации о прошлом родной деревни и народной литературы. Написанные им «Материалы по археологии (по селениям Свияжского уезда)» сотканы из рассказов старожилов, записанных в 1860—1870-е гг.

Важно отметить, что в истории татарской фольклорной школы переход от собирательства образцов народного творчества к формированию самостоятельной науки по его исследованию связан с расспросами К. Насыри односельчан и его научными экспедициями по татарским деревням Нагорной стороны.

Опубликованные в календарях образцы народного творчества с добавлением новых позже появлялись в книгах Насыри. В книге «Кырык бакча» («Сорок разделов») (1880) в последнем, сороковом, разделе автором-составителем были размещены 296 пословиц, 116 коротких народных песен, байты «Сэламнамэ», «Мәдех чэй» («Ода чаю»), «Уңмаган килен» («Нерадивая невестка») и «Әбьят» («Байт»), три загадки-задачи под общим названием «Зиһен сынашмак» («Испытания для ума»). Здесь же автор выделяет шесть жанровых видов татарских народных песен: грустные, хвалебные, любовные и тоскливые, о разлуке и об обиде.

В сороковом разделе книги «Фәвакиһ әл-жәләсә фи-л әдәбият» («Плоды разговоров о литературе») (1884) большую часть материала составляют ранее опубликованные в книге «Кырык бакча» тексты, а меньшую часть — впервые вводимые в научный оборот образцы фольклора. Всего размещено 117 коротких песен, 3 байта, 315 пословиц и поговорок и новый фольклорный материал — 27 загадок.

Загадки, песни, пословицы, байты — важнейший источник, отражающий мировоззрение, духовную культуру и творчество народа. Просветитель опирался на фольклорный материал в качестве примеров на родном языке при написании трудов по языкознанию и составлении учебных пособий и словарей. Публикуя материалы по фольклору, Насыри одновременно представлял их и продвигал как произведения народной литературы на подлинном татарском языке.

Список источников

1. Альменев Б. Каюм Насыриның портреты ничек туды // Совет мәктәбе. 1975. № 3. Б. 62. На тат. яз.
2. Багаутдинова Д. Б. Фонд Каюма Насыри в Государственном музее ТАССР // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976. 216 с.
3. Бәширова И. Б. Татар әдәби теле тарихы. Гомумтеоретик мәсьәләләр. Казан, 2012. 255 б. На тат. яз.
4. Гайнуллин М. Каюм Насыри (1825—1902) // Насыри К. Сайланма әсәрләр. Ике томда. Беренче том. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1974. С. 5—28. На тат. яз.
5. Гайнуллин М. Күңелдәге эзләр // Фатих Әмирхан турында истәлектәр. Казан : Татар. кит. нәшр., 2005. Б. 157—159. На тат. яз.
6. Гобәйдуллин Г. Каюм Насыри кулъязмаларының гыйльми кыйммәтләре турында // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга. Казан : Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. Б. 63—80. На тат. яз.

7. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 6442.
8. ГАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6490.
9. ГАРТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 96.
10. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6789.
11. Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы междунар. конф. Москва, 14—15 июня 1994 г. М. : РОССПЭН, 1996. С. 22—39.
12. Евтихий В. Царевококшайский уезд по отношению к скотоводству и ветеринарии. Казань : Т. М. Вечеслава, 1890. 98 с.
13. Искәрмәләр // Насыри К. Сайланма әсәрләр. Ике томда. Беренче том. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1974. Б. 334—338. На тат. яз.
14. Каюм Насыри мәжмугасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. Казан : Т.С.С.Р. дәүләт нәшрияты, 1922. 160 б. На тат. яз.
15. Каюм Насыри турында истәлекләр // Каюм Насыри. 1825—1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары / җаваплы ред. Ш. А. Рамазанов. Казан : Татгосиздат, 1948. Б. 137—141. На тат. яз.
16. Каюм Насыри хатлары // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р. Ф. Исламов. Казан : Жыен, 2017. Б. 537—585. На тат. яз.
17. Каюм Насырига язган хатлар // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р. Ф. Исламов. Казан : Жыен, 2017. Б. 587—711. На тат. яз.
18. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 3. Свияжский уезд. Казань : Типо-лит. И. В. Ермолаевой, 1907. 58 с.
19. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 1. Свияжский уезд. Казань : Тип. М. Г. Вечеслава, 1886. 105, 58 с.
20. Муллағалиев Р. М. Социально-экономическая жизнь татарской крестьянской общины Казанской губернии в пореформенный период (60—90-е гг. XIX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 220 с.
21. Насыри К. Материалы по археологии (О селениях Свияжского уезда) // Избранные произведения / сост. С. Х. Алишев, М. В. Гайнутдинов, Х. Ш. Максutow. Казань : Татар. кн. изд-во, 1977. С. 41—57.
22. Насыри К. Обряды и поверья казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. 1880. Т. 6. С. 241—270.
23. Ногман М. Н. И. Лобачевский исемендәге Фәнни китапханә кулъязмаларының тасвирламасы. III чыгарылыш. Каюм Насыри кулъязмалары / җаваплы ред. А. Г. Кәримуллин. Казан : ТАССР Культура министрлыгының Татполиграф типографиясе, 1958. 49 б. На тат. яз.
24. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань : Тип. В. М. Ключникова, 1896. 504 с.
25. Рәхим Г. Каюм Насыриның тәрҗемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм җавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов ; төзүчеләр : Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан : ТӘҺСИ, 2020. Б. 42—81. На тат. яз.
26. Рәхим Г. Насыриның тәрҗемәи хәленә гыйләвә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм җавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов ; төзүчеләр : Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан : ТӘҺСИ, 2020. Б. 81—88. На тат. яз.
27. Ханбиков Я. И. Из истории педагогической мысли татарского народа. Казань : Татар. кн. изд-во, 1967. 232 с.
28. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. 2002. Междунар. симпозиум, 18—19 янв. 2002 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002. С. 267—274.
29. Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 1.
30. Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 17.

References

1. Al'menev B. *Kayum Nasyirinyң portrety nichek tudy* [How the portrait of Kayum Nasyri was born]. *Sovet maktabe*, 1975, no. 3. B. 62. (In Tatar)
2. Bagautdinova D. B. *Fond Kayuma Nasyri v Gosudarstvennom muzee TASSR* [Kayum Nasyri's Foundation in the State Museum of the TASSR]. *Vydayushchiysya prosvetitel'-demokrat Kayum Nasyri* [Outstanding educator-democrat Kayum Nasyri]. Kazan, IYaLI im. G. Ibragimova KFAN SSSR Publ., 1976. 216 p. (In Russian)

3. Bəshirova I. B. *Tatar ədəbi tele tarikhy. Gomitteoretik məs'ələlər* [History of the Tatar literary language. General theoretical issues]. Kazan, 2012. 255 b. (In Tatar)
4. Gainullin M. Kayum Nasyiri (1825—1902) [Kayum Nasyri (1825—1902)]. Nasyiri K. *Sailanma əsərlər. Ike tomda. Berenche tom* [Selected Works. In 2 vols. Vol. 1]. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 1974, pp. 5—28. (In Tatar)
5. Gainullin M. Kündəge ezlər [Traces in the Heart]. *Fatih Əmirkhan turynda istəklər* [Memoirs about Fatih Amirkhan]. Kazan, Tatar. kit. nəshr. Publ., 2005. B. 157—159. (In Tatar)
6. Gəbədullin G. Kayum Nasyri kul'yazmalarının gyil'mi kyimmətlərə turynda [On the scientific value of the Kayum Nasyri's manuscripts]. *Kayum Nasyirinin mo'archy basylmagan əsərləre. Məcmuga*. [Unpublished works of Kayum Nasyri. Collect.]. Kazan, Tatarstan dāylət nəshriyatı basması Publ., 1926. B. 63—80. (In Tatar)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archives of the Republic of Tatarstan] (GART). F. 2. Op. 2. D. 6442.
8. GART. F. 2. Op. 2. D. 6490.
9. GART. F. 3. Op. 2. D. 96.
10. GART. F. 4. Op. 1. D. 6789.
11. Danilova L. V., Danilov V. P. Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina [Peasant mentality and community]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX—XX vv.): materialy mezhdunar. konf. Moskva, 14—15 iyunya 1994 g.* [Mentality and agrarian development of Russia (19—20th centuries). Proceed. of the Internat. conf. Moscow, June 14—15, 1994]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, pp. 22—39. (In Russian)
12. Evtikhiev V. *Tsarevokokshayskii uезд po otnosheniyu k skotovodstvu i veterinarii* [Tsarevokokshaysky district in relation to cattle breeding and veterinary science]. Kazan, T. M. Vecheslava Publ., 1890. 98 p. (In Russian)
13. Iskəmələr [Notes]. Nasyiri K. *Sajlanma əsərlər. Ike tomda. Berenche tom* [Nasyri K. Selected works. In 2 vols. Vol. 1]. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 1974, pp. 334—338. (In Tatar)
14. *Kayum Nasyiri məcmugasy. Vafatyna egerme el tulu mənəşəbə belən chyga* [Kayum Nasyri's Collection. Published on the occasion of the twentieth anniversary of his death]. Kazan, T.S.S.R. dāylət nəshriyatı Publ., 1922. 160 b. (In Tatar)
15. Kayum Nasyiri turynda istəklər [Memories of Kayum Nasyri]. *Kayum Nasyiri. 1825—1945. Tuuyuna 120 el tuluga bagyshlangan gyil'mi sessiya materialy, əjavaply red. Sh. A. Ramazanov* [Kayum Nasyri. 1825—1945. Materials of the scientific session dedicated to the 120th anniversary of his birth. Editor-in-chief Sh. A. Ramazanov]. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1948. B. 137—141. (In Tatar)
16. Kayum Nasyiri khatlary [Letters to Kayum Nasyri]. *Kayum Nasyiri: Ədəbi-tarikhi həm dokumental'-biografik jəyentyk. təz. R. F. Islamov* [Kayum Nasyri: Literary-historical and documentary-biographical collection. Ed. by R. F. Islamov]. Kazan, Jyən Publ., 2017. B. 537—585. (In Tatar)
17. Kayum Nasyiriga yazgan khatlar [Letters to Kayum Nasyri]. *Kayum Nasyiri: Ədəbi-tarikhi həm dokumental'-biografik jəyentyk. təz. R. F. Islamov* [Kayum Nasyri: Literary-historical and documentary-biographical collection. Ed. by R. F. Islamov]. Kazan, Jyən Publ., 2017. B. 587—711. (In Tatar)
18. *Krest'yanskoe zemlevladienie Kazanskoi gubernii. Vyp. 3. Sviyazhskii uезд* [Peasant land ownership in the Kazan province. Iss. 3. Sviyazhsk district]. Kazan, Tipo-lit. I. V. Ermolaevoy Publ., 1907. 58 p. (In Russian)
19. *Materialy dlya sravnitel'noi otsenki zemel'nykh ugodii v uездakh Kazanskoi gubernii. Vyp. 1. Sviyazhskii uезд* [Materials for comparative assessment of land holdings in the districts of the Kazan province. Iss. 1. Sviyazhsk district]. Kazan, Tip. M. G. Vecheslava Publ., 1886. 105, 58 p. (In Russian)
20. Mullagaliev R. M. Sotsial'no-ekonomicheskaya zhizn' tatarskoi krest'yanskoi obshchiny Kazanskoi gubernii v poreformennyi period (60—90-e gg. XIX v.): dis. ... kand. ist. nauk [Socio-economic life of the Tatar peasant community of the Kazan province in the post-reform period (60—90s of the XIX century). Cand. Dis.]. Kazan, 2012. 220 p. (In Russian)
21. Nasyri K. Materialy po arkheologii (O seleniyakh Sviyazhskogo uезда) [Materials on archeology (On the villages of the Sviyazhsk district)]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 1977, pp. 41—57. (In Russian)
22. Nasyri K. Obryady i pover'ya kazanskikh tatar, obrazovavshiesya pomimo vliyaniya na zhizn' ikh sunnitskogo magometanstva [Rites and beliefs of the Kazan Tatars, formed in addition to the influence of Sunni Mohammedanism on their lives]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva. Po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Russian Geographical Society. According to the Department of Ethnography], 1880, vol. 6, pp. 241—270. (In Russian)
23. Nogman M. N. I. Lobachevskii isemendəge Fənni kitapkanə kul'yazmalarının tasvirlamasy. III chygarylsh. *Kayum Nasyiri kul'yazmaları, əjavaply red. A. G. Kərimullin* [Description of manuscripts of the Scientific Library named after N. I. Lobachevsky. 3 ed. Manuscripts of Kayum Nasyri. Editor-in-chief A. G. Karimullin]. Kazan, TASSR Kul'tura ministrlıgınyñ Tatpoligraf tipografiyase Publ., 1958. 49 b. (In Tatar)

24. *Obshchii svod dannykh khozyaistvenno-statisticheskogo issledovaniya Kazanskoi gubernii. Chast' ekonomicheskaya* [General data collection of economic and statistical research of Kazan province. Economic part]. Kazan, Tip. V. M. Klyuchnikova Publ., 1896. 504 p. (In Russian)

25. Rəkhim G. Kayum Nasyirinyң tərjəməi khəle [Biography of Kayum Nasyri]. *Rukhi miras: ezlənylər hām tabyshlar* [Spiritual heritage. Searches and discoveries]. Kazan, TƏhSI Publ., 2020. B. 42—81. (In Tatar)

26. Rəkhim G. Nasyirinyң tərjəməi khəlenə gyilavə [Appendix to the biography of Nasyri]. *Rukhi miras: ezlənylər hām tabyshlar* [Spiritual heritage: searches and discoveries]. Kazan, TƏhSI Publ., 2020. B. 81—88. (In Tatar)

27. Khanbikov Ya. I. *Iz istorii pedagogicheskoi mysli tatarskogo naroda* [From the history of pedagogical thought of the Tatar people]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 1967. 232 p. (In Russian)

28. Shanin T. Obychnoe pravo v krest'yanskom soobshchestve [Customary law in the peasant community]. *Kuda idet Rossiya? Formal'nye instituty i real'nye praktiki. 2002: mezhdunar. simpozium, 18—19 yanv. 2002 g.* [Where is Russia heading? Formal institutions and real practices. 2002. International symposium, January 18—19, 2002]. Moscow, Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk Publ., 2002, pp. 267—274. (In Russian)

29. *Tsentris'mennogo naslediya IYaLI im. G. Ibragimova AN RT* [Written Heritage Center of the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. F. 11. Op. 3. D. 1. (In Russian)

30. *Tsentris'mennogo naslediya IYaLI im. G. Ibragimova AN RT* [Written Heritage Center of the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. F. 11. Op. 3. D. 17. (In Russian)

Информация об авторе

И. К. Загидуллин — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Information about the author

I. K. Zagidullin — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 31.12.2024; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 31.12.2024; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 20.05.2025